
Е.В. Илюшечкина

УДИВИТЕЛЬНАЯ СКИФИЯ ГАЯ ЮЛИЯ СОЛИНА

Утерянные для нас этногеографические сведения эллинистической и более ранней традиции о северочерноморском регионе, а также прилегающих к нему территориях отчасти сохранились благодаря компиляциям эпохи Римской империи. Так, произведение Гая Юлия Солина «Собрание достопамятных вещей» (*Collectanea rerum memorabilium*, III в.), несмотря на «вторичный» характер содержащихся в нем сведений, представляет собой перспективный для исследователей этногеографии Северного Причерноморья источник. В статье рассматриваются свидетельства Солина о народах и племенах, населявших в древности северочерноморский регион, и наряду с этим другие разновидности описаний (в основном, касающихся гидронимов, местной фауны, обычаев и образа жизни скифских племен), обращая внимание на особенности картины мира Солина. Основными источниками компиляции Солина послужили произведения римских авторов I в. н.э. Помпония Мелы и Плиния Старшего, при изложении текстов которых Солин использует риторическую технику и в своей передаче дополняет информацию предшественников отступлениями парадоксографического направления, т.е. вставляет в этногеографический контекст необычные факты и удивительные явления природы. По-видимому, эта манера описания должна была прибавить этногеографическому материалу Солина большую привлекательность в глазах античной читательской публики и способствовать своего рода «популяризации» знаний об античной ойкумене, иными словами, служить дидактическим целям. И если использование *mirabilia* в произведениях античной литературы наблюдается с самых ранних времен, то в труде Солина «удивительные примеры» поставлены во главу угла; тем самым, можно говорить о его близости с литературным направлением античных парадоксографов. Условные требования софистики отнюдь не исключают использования произведения Солина в качестве исторического источника, содержащего достоверные факты и детали, которые не только устраняют сложности в понимании этногеографической карты Солина, но и дополняют хорошо известные свидетельства по истории и культуре северочерноморского региона в античности.

Ключевые слова: Помпоний Мела, Плиний Старший, Гай Юлий Солин, этногеография Северного Причерноморья, *mirabilia*

Текст авторского предисловия к *Collectanea rerum memorabilium* («Собрание достопамятных вещей»), написанного в форме посвященного послания к покровителю и благодетелю Адвенту, личность которого не установлена, позволяет не только уточнить цели и задачи этногеографического сочинения в целом, но и познакомиться с принципиальными установками Гая Юлия Солина, произведение которого принято датировать III в. н.э.¹ Авторы «энциклопедических» компиляций, как правило, использовали чужой материал греческих и латинских источников, особенно не претендуя на оригинальность изложения (ср.: Formisano 2007. P. 277–284), чего, однако, нельзя сказать о замысле Солина.

В компиляции Солина представлена вся известная к тому времени картина обитаемого мира во всей его широте и многообразии. Содержание *Collectanea* довольно разнообразно: наряду с изложением географических описаний и исторических легенд читатель знакомится с этнографическими экскурсами, упоминаниями удивительных обычаев и нравов народов дальних стран, списками фантастических животных или драгоценных камней. В своем периплическом описании Солин мысленно движется с запада на восток от Италии к Греции, затем к Понту; далее через Каспий, представляющий собой залив северного океана, направляется вдоль европейского побережья на запад к берегам Британии. Мысленно обогнув Пиренейский полуостров и оказавшись снова в Средиземном море, Солин описывает побережье Северной Африки и Малой Азии (затем – внутренние регионы Азии) и, огибая побережье Африки, завершает описание, повторив во многом маршрут, известный по географическим книгам «Естественной истории» Плиния Старшего (кн. III–VI).

Вместе с тем, содержание труда Солина и его способы описания ойкумены отличаются от традиционной схемы рядом особенностей. Прежде всего, этногеографическое описание мира начинается у Солина с рассказа об основании Рима (I. 1–19), дополненного кратким очерком римской истории от основания Города до времени принципата Августа (I. 20–52). Подобный зачин нарушает традиционно принятый порядок географических сочинений и не сочетается с информацией вводных частей основных источников Солина – Помпония Мелы и Плиния Старшего. В *Collectanea* Солин по-своему комбинирует достижения предшественников – не только эллинистического, но и более раннего времени: по организации известного в древности пространства ойкумены, которое к периоду жизни Солина ассоциировалось с занимаемой Римской импе-

¹ Теодор Моммзен предпочитал датировать компиляцию Солина периодом между 200 и 400 г., т.е. III в. (Mommmsen 1895. S. VI–VII), Фернандес Ньето датирует текст Солина временем между 290 и 350 г. (Fernández Nieto 2001. P. 11–27), а Кай Бродерсен – концом III в. (Brodersen 2014a. S. 8). Ричард Талберт относит время написания труда Солина к 300 г. и связывает его с датой создания Певтингеровой карты (Talbert 2010. P. 136).

рией территорией. Солин подчеркивает авторитет и величие государства, обозначая место Рима в качестве центра мировой державы и связывая выражение *caput orbis [terrarum]* («глава мира») с политическими коннотациями²; одновременно автор географической компиляции отсылает читателя к классическим текстам латинских авторов³. В результате упорядочивания географического пространства империи и в соответствии с исторической традицией тема Рима, ставшего мировой столицей, приобрела характерную для топоса устойчивую форму, отражающую политические устремления эпохи (Курциус 2021. Т. 1. С. 169–202; Аверинцев 1996. С. 158; Данилевский 2018. С. 206–209).

Для общей картины мира Солина характерны заимствованные еще от раннеионийской традиции и от Эратосфена представления о мировом океане, опоясывающем ойкумену с внешней стороны⁴, однако, Солин не дает его детального описания, упоминая лишь названия отдельных частей, двигаясь мысленно с юга через восток к западу против часовой стрелки (XXIII. 17)⁵. Солин впервые вводит понятие *mediterranea*

² «...позволь и мне начать [повествование] с главы мира (*caput orbis [terrarum]*), то есть с города Рима; сколько бы ни оставили [нам] самые ученые авторы, нет ничего, что можно было бы добавить еще к его прославлению и почти нет смысла ступать по пути, столь часто исхоженному в анналах. Однако, чтобы вовсе уж не промолчать о нем [sc. Риме], я приложу все силы, чтобы проследить за началом Рима» (Solini. praef. 7–8, перевод Солина здесь и далее мой. – Е. И.). См. также: Nicolet 1988. P. 273–274; подробнее о риторических особенностях предисловия Солина см.: Илюшечкина 2020.

³ См. фразу Цицерона в заключительной части одной из его «Филиппик»: *Populum romanum servire fas non est: quem di immortals omnibus gentibus imperare voluerunt*. «Не положено данным свыше законом, чтобы римский народ [кому-то] служил: по воле богов они [sc. римляне] призваны повелевать всеми народами» (Cic. In M. Anton. or. philip. VI. 7. 19). Ср. также приводимые Ливием слова Ромула в его божественной ипостаси: «...угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира» (*caput orbis terrarum*) (Liv. I. 16. 7, пер. В.М. Смирин). Ср. Luc. II. 653–654: *caput mundi...Roma* «глава мира... Рим»; Verg. Aen. VI. 851–853: энкомий римлянам и Риму как столице мировой державы; см. также Ovid. Fasti II. 688–689: *gentibus est aliis tellus data limite certo:/ Romanae spatium est urbis et orbis idem* «земли народов других ограничены твердым пределом:/ Риму предельная грань та же, что миру дана» (пер. Ф.А. Петровского).

⁴ По поводу раннеионийской географической традиции см., например: Gisinger 1937. S. 2320; ср.: Strabo II. 5. 18. С 121, где пересказывается учение Эратосфена об Океане.

⁵ *Oras autem extimas Oceanus amplectitur, qui a litoribus suis Arabicus Persicus Indicus Eous Sericus Hircanus Caspius Scythicus Germanicus Gallicus Atlanticus Libycus Aegyptius dicitur*. «Крайние же пределы охватывает Океан, называемый по его берегам Аравийским, Персидским, Индийским, Восточным, Серским, Гирканским, Каспийским, Скифским, Германским, Галльским, Атлантическим, Ливийским, Египетским» (Solini. XXIII. 17). Примечательно, что в состав частей океана Солин включает и четыре его крупных залива, которые у большинства античных географов описываются отдельно. Использование нескольких названий для обозначения отдельных частей Океана указывает на то, что эти имена заимствованы из разных источников. Подтверждение этому находим в пассаже о названиях северной части Океана («Замерзший», «Мертвый» или «Кронийский»), где Солин напрямую ссылается на свои источники: *Oceanum septemtrionalem ex ea parte, qua a Propaniso amne Scythia adluitur, Hecataeus Amalcium appellat, quod gentis illius lingua significat congelatum. Philemon a Cimbris ad promunturium Rubeas Morimarusam dicit uocari, hoc est mortuum mare; ultra Rubeas quicquid est Cronium nominat*. «Северный Океан от той его

(*maria*) «Средиземные (моря)» (XVIII. 1), четвертым заливом которого (т.е. самым дальним, начиная от Гадеса) является Понт, в чем Солин следует за Плинием (NH IV. 75). Вся ойкумена разделена, по Солину, на три материка – Европу, Азию и Ливию, границы между которыми проходят по Танаису и Нилу (XL. 1; ср. XII. 1, где Азию от Европы отделяет Геллеспонт). По словам К. Бродерсена, наряду с традиционно принятым способом описания географических объектов вдоль побережий Солин, в отличие от других географов, использует начальные элементы картографической ориентации, вводя понятие *plaga* для обозначения отдельных регионов или «участков» ойкумены (например, *septentrionalis plaga* «северная страна», X. 12; *Asiatica plaga* «Азиатская земля», XVII. 3; XIX. 3 и др.) (подробнее см.: Brodersen 2013). Кроме того, в компиляции Солина представлены различные способы ориентации человека в пространстве, характерные еще для архаической эпохи: по небесным телам (звездам и солнцу), по направлениям ветров (особенно, аквилона), по сторонам света (с уточнениями по временам года: *oriens brumalis/ oriens solstitialis*), с точки зрения воображаемого наблюдателя (с помощью маркеров «справа/слева»: *dextro latere, dextra laeva* и др.). Бродерсен приходит к выводу, что Солин излагает географическую информацию предшественников в доступной для античного читателя форме (так, в его тексте встречается минимальное количество данных о расстояниях, что облегчало читателю усвоение информации) и предоставляет частично обновленную картину античного мира. Несмотря на спорность выводов Бродерсена можно согласиться с тем, что Солин вполне мог применять приемы нарождающейся картографии⁶.

В своем изложении Солин стремится сочетать разнообразие содержания с безыскусной простотой и ясностью стиля, лишенного украшений⁷. Интерес современной Солину читательской публики к этногеографиче-

части, что омывает Скифию от реки Пропанис, Гекатей называет Амалькийским, каковое имя на языке этого племени означает “замерший”. Филемон сообщает, что кимбры называют его вплоть до мыса Рубей Моримарусой, т.е. Мертвым морем; а за Рубеем он называет его Кронийским» (Solin. XIX. 2; ср.: Plin. NH IV. 94–95).

⁶ Недаром некоторые исследователи допускают, что текст Солина послужил одним из источников для составления Херефордской карты (ок. 1290 г., см.: Chekin 1999. P. 152–157). Подробнее о соотношении картографического и словесного способов описания в структуре античного географического текста см.: Подосинов 1999. С. 595 сл.

⁷ *ut ne prodiga sit in eo copia nec damnosa concinnitas...* «...чтобы чрезмерное разнообразие [содержания] не было бы избыточным, а цветистость [стиля] не навредила бы [произведению]» (Solin. praef. 2). Здесь *concinnitas* в значении «искусное соединение слов или фраз» используется Солином для обозначения авторского стиля. О «простом и «ясном» литературном стиле см. Cic. Or. XVI. 53; Квинтилиан в «Наставлениях оратору» описывает «простой» и «ясный» (*purus*) стиль без украшений, считавшийся приемлемым для специальных пособий и ученых трактатов (*sermo purus et dilucidus et distinctus ceterum minime elatus ornatusque* «язык простой, понятный и ясный, а в остальном – менее всего возвышенный и приукрашенный» – Inst. or. XI. 1. 53).

ским описаниям объясняется, по всей видимости, ее доверием к подобным сюжетам и, кроме того, спросом на сведения о дальних странах и народах, обитающих на краю света, о торговых путях, наконец, интересом к ходу завоевательных кампаний и попыткам Рима установить контроль на суше и на море. Помимо всего, знакомство с этногеографической литературой считали признанным способом пополнить полезные знания о земном круге. Усвоение и запоминание текстов с этногеографической информацией составляло в большой степени часть образовательной системы римлян. *Collectanea* Солина с их «сжатым» обзором в виде краткого руководства по этногеографии ойкумены прекрасно вписывались в дидактическую традицию.

Декларируя уважение к традициям римской старины, сохранившим престижность в эпоху Римской империи, Солин включил в свое повествование тщательно отобранные им сведения древних писателей, свидетельства которых, по его словам, «достойны упоминания» (*digna memoratu – graef. I 4*)⁸. При этом авторитет предшественников и источников, не утративших влияния, прежде всего, Помпония Мелы и Плиния Старшего, информация которых во многом опирается на эллинистическую традицию, им вовсе не подвергается сомнению⁹.

Облегченный стиль изложения Солина вполне адекватен характеру содержания: для него было важно донести до заинтересованного читателя не только знание географии окружающего мира, но и впечатление об огромном пространстве, занимаемом римской империей. Во всяком случае, очевидно стремление Солина сделать *Collectanea* более доступным сочинением для читательской публики, выходящей за рамки круга римских интеллектуалов¹⁰. Оставив в стороне более или менее известные сведения по этногеографии, Солин привлекает внимание читателей к

⁸ Схожим образом поступают Авл Гелий и Макробий, которые, сообщая в предисловиях к своим трудам о приводимых сведениях, используют, как и Солин, формульное выражение «достойные упоминания». См. Gell. praef. 2: «...брал ли я в руки какую-либо книгу... слышал ли что-либо *достойное упоминания*, я отмечал то, что [мне] было угодно» (пер. А. Б. Егорова); Macrob. *Saturn.* 1, praef. 3: *nec indigeste tamquam aegeruum congesimus digna memoratu*. Подробнее об особенностях предисловия Авла Геллия см.: Илюшечкина 2001. С. 78–90.

⁹ Как Помпоний Мела в «Хорографии», так и Плиний Старший в «Естественной истории» не только опираются на эллинистическую традицию, но и отмечают преимущества древних порядков и нравов перед современными. Солин, скорее всего, следует этой же линии своих источников. Надо отметить, что, помимо сведений Помпония Мелы и Плиния Старшего, Солин использовал сочинения греческих и латинских авторов, только часть из которых им названа, а также – неизвестные нам «книжные» источники разного времени. Подробнее см.: Apps 2014.

¹⁰ В т.н. «втором» предисловии Солин сетует по поводу некоего читателя, который «скорее нетерпелив, чем прилежен» (*impatiens potius quam studiosius*, praef. II). Чуть ниже Солин отмечает, что приобретение знаний требует от читателя прилежания и значительных усилий (*praeteritis quae ad incrementum cognitionis accesserunt cura longiore – praef. II*). Подробнее см.: Schmidt 1995. S. 23–35.

редким и занимательным явлениям мира людей, животных и растений¹¹. Среди такого рода экскурсов и пассажей, «достойных упоминания», бросаются в глаза рассказы о диковинах, назначение которых в том, чтобы доставить читателю «интеллектуальное удовольствие» и попутно обеспечить занимательность текста Солина.

Общая характеристика внутренних скифских земель у Солина (XV. 20–21) не выходит за границы традиционных представлений античной нарративной традиции¹². Образ враждебной, лишенной солнечного света северной страны, лежащей за мифическими Рипейскими горами, объятой вечным холодом и названной Птерофорон («Перьяносной») «из-за постоянно падающего снега, похожего на перья», почти дословно позаимствован Солином из текста Плиния Старшего (NH IV. 88)¹³. С некоторой разницей в отрывках обоих авторов отражаются хронологически одновременные сведения греческих и латинских авторов о северных просторах Скифии. В описании Солина риторически преувеличены холод и суровость северного климата: эта единственная в своем роде земля погружена в вечный мрак, где нет времен года, что – в отличие от других климатических поясов – причудливо и необычно само по себе (ср.: Fuhrmann 1968. S. 23–66). Используя риторическую топику, Солин акцентирует внимание на ветре Аквилоне, приносящем с севера холод и снег¹⁴. Повторяя плиниево редкое словоупотребление *conceptaculum*

¹¹ Ср. *Addita pauca de arboribus exoticis, de extimarum gentium formis, de ritu dissono abditarum nationum...* «Было добавлено немного об экзотических деревьях, образе жизни и необычных обычаях дальних народов...» (praef. I 4).

¹² *Arimaspi circa Gesclithron positi uniuocula gens est. Ultra hos et Rhiphaeum iugum regio est assiduis obsessa nivibus; Pterophoron dicunt, quippe casus continuantium pruinarum quiddam ibi exprimit simile pinnarum. (21) Damnata pars mundi et a rerum natura in nubem aeternae caliginis mersa ipsisque prorsus aquilonis conceptaculis rigentissima. Sola terrarum non novit vices temporum nec de caelo aliud accipit quam hiemem sempiternam.* «Аримаспы, проживающие около Гесклитрон [«затворов земли»], это – одноглазое племя. За ними и за Рипейским горным хребтом есть область, покрытая вечными снегами; называют [ее] Птерофорон [«Перьяносной»], потому что постоянно падающий снег там представляет собой нечто похожее на перья. (21) [Эта] приговоренная часть мира самой природой вешней погружена в облако вечного мрака и совершенно застыла из-за местопребывания [ветра] Аквилона. [Это] единственная из стран, [что] не знает смен времен года и [ничего] другого не получает от неба, кроме вечной зимы» (Solin. XV. 20–21).

¹³ «[Эта] часть мира проклята самой природой, погружена в густую мглу, во все, что производит стужа, и во вместилище ледяного Аквилона» (пер. А.В. Подосинова). Комментарий А.В. Подосинова к этому пассажию см.: Подосинов, Скржинская 2011. С. 283–284.

¹⁴ Аналогичные географические мотивы можно встретить в поэтических образах Вергилия и Овидия, ср. Verg. Georg. III. 382: *gens effrena virum Rhiphaeo tunditur eugo* «Тяжко терпеть им [sc. злобным варварам под Медведицей гиперборейской] удары рипейского Евра» (пер. С.В. Шервинского) и Овидия (Pont. IV. 10, 41–42: *Hic oritur Boreas oraetque domesticus huic est / Et sumit vires a propiore loco* «в путь отсель вылетает Борей: для него этот / Дом, и в окрестных краях он набирается сил» (пер. М.Л. Гаспарова); Trist. III. 10. 17–18: *Tantaque commoti vis est Aquilonis, ut altas / Aequet humo turres tectaque rapta ferat* «Столь в этом крае могуч Аквилон мятежный, что, дую, / Башни ровняет с землей, сносит, сметая, дома» (пер. М.Л. Гаспарова), ср. также: Trist. III. 10. 45–46.

с уменьшительным суффиксом, Солин уточняет «место пребывания» Аквилона¹⁵, а вот сведения о мифических Рипейских горах, «покрытых вечным снегом» и расположенных на северном краю света, встречаются не только у Солина и Плиния (см.: Lucan. IV. 118; Val. Flac. VII. 562 ff.; Mela II. 1; Plin. NH IV. 88; ср.: Подосинов 2000. С. 9–14). Топоним «Рипеи» привычно связывают с представлением об античном севере (либо с обитающими на севере народами – гиперборейцами или, как у Плиния и Солина, с аримаспами), а в поисках возникновения топонима отсылают к гомеровским стихам (Hom. II. XV. 171–172; XIX. 357–358: ῥίπῃ Βορέϊο «порыв Борея») (подробнее см.: Rausch 2013. S. 22–23).

Что касается «затвора земли» (Ges klithron, ср. Plin. NH VII. 10), можно полагать, что в контексте архаической традиции этим локусом обозначался один из входов в потусторонний мир, находящийся на северных окраинах ойкумены. В «Митридатовых войнах» Аппиана (App. Mithr. 102) упоминаются загадочные «скифские затворы» (Κλεῖθρα Σκυθῶν), которые преодолело войско Митридата, двигаясь по черноморскому побережью от Диоскуриады до Боспора Киммерийского. Вполне допустимо, что топоним «скифские затворы», равнозначный «затвору земли» (Ges klithron) Плиния и Солина, служил обозначением локуса на берегу Черного моря, которое, по мнению А.И. Иванчика, до второй половины VIII в. до н.э. отождествлялось с Северным, или Скифским океаном (Ivanchik 2005. S. 82–85).

Острая нехватка солнечного света, бесконечные зимы со снегопадами, аномально холодный климат, обусловленный местом зарождения северного ветра Аквилона, не только определяют стереотипные черты ландшафта на окраине ойкумены, но и выполняют роль символа в изображении «скифского» пространства. Со временем ставшие стереотипными сведения о климатических особенностях зоны Северного Причерноморья стали основой для возникновения риторического топоса, одну из вариаций которого передает Солин. Стереотипные элементы – устойчивые мотивы, переключки, аллюзии и другие разновидности интертекстуальных связей в изображении Скифии с ее бескрайними просторами и жестокими племенами выступают в качестве семантической системы, что заставляет относиться к конкретным свидетельствам Солина с осторожностью.

Известный Солину земной мир был населен многочисленными народами, среди которых Рим занимал господствующее положение. Как уже отмечалось, близко следуя тексту Плиния, Солин считает акваторию Эвксинского Понта четвертым заливом Средиземного моря: «Четвертый

¹⁵ Помимо Плиния Старшего (NH II. 115; IV. 88; XI. 138) conceptaculum встречается у Авла Геллия (XVIII. 10. 9), Фронтиня (De aq. 22) и у Апулея (Met. VI. 13; VII. 20).

залив Европы начинается с [пролива] Геллеспонта, а оканчивается устьем Меотиды; и вся эта ширь, разделяющая Европу и Азию, сжимается в узкий пролив в семь стадиев – это Геллеспонт. [...] Разлившись оттуда мощным потоком, он устремляется в Пропонтиду: [тут] он сужается до полумили и превращается в Боспор Фракийский» (XII. 1–2)¹⁶. Ко времени создания *Collectanea* античной географической традицией была накоплена многообразная и противоречивая информация о самой акватории и о прилегающей к зоне Черного моря территории¹⁷. Приведенный текст Солина в отличие от описания Плиния не изобилует подробностями, однако содержит некоторые особенности: прежде всего, обращает на себя внимание редко встречающийся в тексте Солина гидроним «Меотида». По сути, Меотида, или Меотийское озеро (*Maetotis lacus*), упоминается автором *Collectanea* лишь четырежды: дважды при описании крайней точки Понта (X. 15 и XI. I. 1), однажды – при описании Танаиса как границы между Азией и Европой (XL. 1), и один раз – как граница одного из кавказских отрогов (XXXVIII. 11). Кроме того, Солин (вслед за Плинием) смешивает в этом пассаже и так-то нечастые у него обозначения расстояний между объектами – указывая как греческие стадии, так и римские мили; подобное встречается в компиляции только один раз при

- ¹⁶ *Quartus Europae sinus Hellesponto incipit, Maetotis ostio terminatur, atque omnis haec latitudo quae Europam Asiamque dividit, in septem stadiorum angustias stringitur. hic est Hellespontus[...] inde diffusus aequore patentissimo rursus stringitur in Propontidem: mox in quingentos passus coartatur fitque Bosphorus Thracius[...]* (Solin. XII. 1–2). Ср.: *Quartus e magnis Europae sinus ab Hellesponto incipiens Maeotis ostio finitur...* «четвертый из великих заливов Европы, начинаясь от Геллеспонта, оканчивается устьем Меотиды...» (Plin. NH IV. 75, пер. А.В. Подосинова). В соответствии с античной географической традицией Плиний (а вслед за ним и Солин) разделяет водное пространство Средиземноморья на четыре крупных залива (Plin. NH III. 5). Первым заливом Европы считалась часть Средиземного моря, начиная от Гибралтарского пролива и оканчиваясь Локрами Эпизефирскими на юге Италии; второй залив берет начало от мыса Лакиний и оканчивается скалистым мысом Акрокеравний в Эпире (Solin. II. 24; ср. Plin. NH III. 11); третий «европейский» залив простирается от Акрокеравнийских гор до пролива Геллеспонт (ср. Plin. NH IV. 1). Об источниках такого деления моря на заливы см. Sallmann 1971, 55–60. В отличие от Плиния Мела насчитывает три залива в Средиземноморье: первый образует Эгейское море, второй – Ионийское и Адриатическое, третий – Тускское, или Тирренское, море (Mela I. 16–17).
- ¹⁷ Начиная с VIII–VII вв. до н.э. греки, основавшие многочисленные колонии на берегах Эвксинского Понта и вступившие в контакт с местным населением, составляли обстоятельные описания новооткрытых земель и Черноморского бассейна. Геродот одним из первых древнегреческих историков побывал в Северном Причерноморье и дал описание края, который видел своими глазами (Herod. IV. 85). Вслед за Геродотом описание этой части ойкумены оставили Псевдо-Скилак и Эфор (оба – IV в. до н.э.), которые упоминают, в частности, мыс Крию Метопон (Ps.-Scyl. 68; Ephor. 70 F 41 Jacoby), а также Псевдо-Скимн, называющий оба мыса на северном и южном побережье Понта – Крию Метопон и Карамбис (Ps.-Scymn. F 28 Marcotte = 953–957 Müller). Эти мысы служили опорными ориентирами для античных мореплавателей (см.: Золотарев 1979. С. 94–100). Об обстоятельном знакомстве с регионом Черного моря греческих авторов, чьи произведения сохранились в отрывках, можно судить по дошедшей до нас «Географии» Страбона. Сохранившиеся сведения латинской традиции (Саллюстий, Валерий Флакк, Лукан и др.) по большей части повторяют свидетельства греков.

аналогичном упоминании Геллеспонта (X. 21)¹⁸. Интересно, что используемое здесь слово *latitudo*, обозначающее, как правило, широкое (в данном случае – водное) пространство, с учетом того, что речь в тексте идет о границе между Европой и Азией, фактически выполняет функцию картографического термина в значении «параллель».

Из всех известных античной традиции многочисленных понтийских рек Солин упоминает только четыре – Истр, Гипанис, Борисфен и Фасис и делает это, по-видимому, неслучайно. Так, вслед за Мелой и Плинием, которые, скорее всего, опираются на свидетельство Страбона (IV. 6. 9 С 207)¹⁹, Солин локализует истоки Истра в горных областях юго-запада Германии, на границе с Галлией, дополняя традиционную информацию списком названий семи устьев Истра и перечнем их гидрографических особенностей, призванных вызвать «удивление» читателей²⁰. Семь устьев Истра возникают, вероятно, вслед за Мелой (*Mela* II. 1. 8), который также упоминает аналогичное число устьев Истра-Данувия, сравнивая реку с Нилом, как и Геродот (IV. 50), который сообщает, однако, о пяти устьях Истра (IV. 47)²¹. Наконец, словно возражая Плинию, Солин

¹⁸ Ширина Геллеспонта в семь стадиев была отмечена уже у Геродота (IV. 85).

¹⁹ Согласно античным источникам, греческое название Истр (совр. р. Дунай; ср. у Hesiod. Theog. 339; Aesch. F 155 Radt; Pind. Ol. III. 14; Herod. II. 33; Arist. Meteor. I. 13. 36. 350a; Ps.-Scymn. F 7a Marcotte = 773–791 Müller) в римское время чаще встречается как обозначение нижнего течения реки (Strabo VII. 3. 13 С 305; Ovid. Met. II. 241; *Mela* II. 8, 16, 22, 57, 63, 79, 98; III. 33; Plin. NH IV. 79; Ptol. Geogr. III. 10. 2–6), в то время как верхнее после Цезаря начали называть *Danuvius/Danubius* (BG VI. 25, 2). См. также комментарий А.В. Подосинова в издании: Помпоний Мела 2017. С. 223–224.

²⁰ *Hister Germanicis iugis oritur, effusus monte qui Rauracos Galliae aspectat. Sexaginta amnes in se recipit ferme omnes navigabilis. Septem ostiis Pontum influit, quorum primum Peuce, secundum Naracustoma, tertium Calonstoma, quartum Pseudostoma; nam Borionstoma ac deinde Spilonstoma languidiора sunt ceteris, septimum vero pigrum ac palustri specie non habet quod amni comparetur. Priora quattuor ita magna sunt, ut per longitudinem quadraginta milium passuum non misceantur aequori dulcemque haustum incorrupto detineant sapore. «Истр берет начало с Германских высот, изливаясь с горы, которая обращена к рауракам Галлии. Он принимает в себя шестьдесят рек, почти все судоходные. Изливается он (sc. Истр) в Понт семью устьями: из них первое – Певка, второе – Наракустома, третье – Прекрасное [устье], четвертое – Ложное [устье]; [течение] Северного [устья] и затем Спилонстома гораздо медленнее остальных, а седьмое [устье], стоячее и похуже на болото, нельзя и сравнить с потоком. Первые четыре [устья] настолько велики, что на протяжении сорока миль не смешиваются с [морской] водой и сохраняют свой пресный вкус» (Solin. XIII. 1).*

²¹ Этому свидетельству Геродота (Herod. IV. 47: «Истр с пятью устьями») или близкого ему источника, восходящего к древнеионийской традиции о пятиустьем Истре, следуют некоторые античные авторы (например, Ephor. 70 F 157 Jacoby; Ps.-Scymn. F 7 a Marcotte = 773–791 Müller). Представление о шести (Plin. NH IV. 79; Ptol. Geogr. III. 10. 2–6) и семи устьях Истра распространено в географии римского времени (Strabo VII. 3. 15 С 305; Verg. Aen. VI. 800; Ovid. Trist. II. 189; *Mela* II. 8; Stat. Silv. V. 2. 136; Amm. Marc. XXII. 8. 44–45), что, скорее всего, являлось данью литературной традиции. Как показывают современные исследования, дельта Истра-Дуная постоянно менялась в результате заиливания старых и возникновения новых русел. Подробнее о разном количестве устьев Истра по свидетельствам античных источников см.: Агбунов 1992. С. 112–117; Доватур, Каллистов, Шишова 1982. С. 272.

пишет, что почти все шестьдесят притоков Истра судоходны (в то время, как Плиний приписывает эту особенность только половине рек, впадающих в Данувий-Истр, IV 79).

Достоверные сведения об истоках северопонтийских рек в античной географической литературе исключительно редки, что вызвано трудностями речного сообщения между греческими городами прибрежной зоны Понта и примыкающими с севера землями. Тем любопытнее краткое упоминание Солином верховьев скифской реки Борисфен²². У истоков реки Борисфен, которую обычно идентифицируют с совр. Днепром, Солин – в отличие от своих основных источников, Мелы (II. 6) и Плиния (NH IV. 82) – локализует народ невров (согласно Помпонию Меле, в стране невров начинается река Тира, II. 7). Основное внимание в пассаже Солина уделено не описанию реки, а очередной «диковине» – обитавшей в Борисфене бескостной рыбе (предположительно, семейства осетровых)²³. По-видимому, Солин в очередной раз совершенно осознано включает в повествование ряд деталей, которые выглядят необычными и даже неправдоподобными. В любом случае, большая часть приводимых Солином сведений основывается на информации Мелы (II. 6) и Плиния (NH IX. 45), отдельные пассажи которых, по мнению исследователей, восходят к ионийской традиции VII–VI вв. до н.э.²⁴ Порой Солин не указывает точного местоположения географических объектов, однако неизменно фиксирует внимание читателя на удивительных явлениях природы, которые несут дополнительную нагрузку в самом тексте или «перекликаются» с содержанием других текстов.

Сообщение Солина об истоках скифской реки Гипаниса и удивительных свойствах речной воды почти полностью основывается на информации Геродота (IV. 52), которой в эллинистический период, видимо,

²² Apud Neuros nascitur Borysthenes flumen, in quo pisces egregii saporis et quibus ossa nulla sunt nec aliud quam cartilagines tenerrimae. «У невров берет начало река Борисфен, в которой [водятся] рыбы замечательного вкуса и у которых вовсе нет костей, а только нежнейшие хрящи» (Solin. XV. 1). По словам Геродота, «Борисфен – величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила» (IV. 53; ср. IV. 5, 17, 18, 47, 54, 56, 71, 81, 101). Гидроним Борисфен упоминает также в передаче Псевдо-Скимна Эфор (Ps.-Scymn. F 15a Marcotte = 835–859 Müller), свидетельство которого, по мнению Маркотта, восходит к Гекатею Милетскому (FGH I F 184–190 Jacoby). Об истоках же Борисфена ни Геродот («у этой реки и у Нила я не могу указать источники и, полагаю, не может никто из эллинов» – IV. 53), ни другие античные авторы (Strabo II. 4. 6 C 107; Mela II. 6; Ptol. Geogr. III. 5. 6) ничего не знают. Зато дошедшие до нас источники передают много подробностей, «достойных удивления» (Herod. IV. 53), об устьях большинства рек Скифии, находившихся вблизи заселенных и освоенных греками территорий. См.: Шрамм 1997. С. 65–68.

²³ Ср. Herod. IV. 53: «В реке [Борисфен] водятся огромные бескостные рыбы под названием «антакен» и есть много других диковин».

²⁴ Об источниках Мелы и Плиния см., например: Подосинов 2011. С. 26–32 (Мела), 148–153 (Плиний).

воспользовался парадоксограф Антигон из Кариста на острове Евбея (F 85 Giannini), а в I в. н.э. передает Мела (II. 1. 7). Упомянутый Солином народ авхетов Плиний локализует в верховьях Гипаниса (NH IV. 88), при этом идентификация самого Гипаниса с одной из современных рек Причерноморья остается затруднительной²⁵. О Фасисе же мы узнаем, что в районе этой реки, текущей из области мосхов (Solin. XV. 19), водится диковинное животное «трагелаф» (греч. «козел-олень», совр. бородастая газель – Solin. XIX. 19)» (ср. Plin. NH VIII. 120).

На примере понтийских рек вырисовываются отдельные элементы описательной схемы Солина, включающие, среди прочего, идентификацию истоков реки с отдельным племенем (исключением стал Истр, истоки которого помещены в германских горах), отсутствие каких-либо данных о днях пути вдоль реки или ее длине (по крайней мере, в «скифской» части повествования) и об известных городах в их устьях (что было бы традиционно для периплического описания). Занимательность и отчасти таинственность сообщениям Солина придают рассказы об удивительной полноте Истра и его семи устьях, о необычных свойствах переменчивой воды Гипаниса, о диковинных рыбах Борисфена и чудо-оленях в долине Фасиса – все эти *mirabilia* позволяют усматривать в нарративной технике Солина элементы риторизации и вполне осознанного отбора материала источников.

Отдавая дань традиции, нечто «удивительное» Солин сообщает и о расположенном напротив устья Борисфена острове Ахилла, называемом в других источниках также островом Левка, или Белый (Mela II. 98; Plin. NH IV. 83, 93; ср. Strabo II. 5. 22 C 125)²⁶. На острове Ахилла находился

²⁵ Hypanis oritur inter Auchetas Scythicorum amnium principes, purus et haustu saluberrimus, usque dum Callipidum terminis inferatur, ubi fons Examphaeus infamis est amara scaturrigine: qui Examphaeus liquido admixtus fluori amnem vitio suo vertit, adeo, ut dissimilis sibi in maria condatur. (2) ita inter gentium opiniones fama de Hypane discordat: qui in principiis eum norunt, praedicant, qui in fine experti sunt, non iniuria execrantur. «Гипанис, главнейшая из скифских рек, берет начало [в земле] авхетов; [вода] его чиста и чрезвычайно целебна, пока он не доходит до пределов каллипидов, где есть источник Эксампей, пользующийся дурной славой за [свою] горькую воду. Этот Эксампей, соединившись с чистой водой, заражает собой [всю] реку, так что она изливается в море не похожая [сама] на себя. (2) Поэтому мнения разных народов о Гипанисе различны: [те], которые знают его в верховьях, хвалят, а испытавшие в низовьях – справедливо проклинаят» (Solin. XIV. 1). Более подробный комментарий А.В. Подосинова к пассажиам Геродота, Мелы и Плиния об обитавших по течению Гипаниса авхетах и каллипидах, горько-соленом источнике Эксампей, а также литературу вопроса см.: Подосинов, Скржинская 2011. С. 316, примеч. 204; 279, 281–282.

²⁶ Известны также свидетельства о местонахождении острова Ахилла напротив устья Тиря (Strabo VII. 3. 16) или Истра (Rav. Anon. VIII. 18). По словам Псевдо-Скимна, ссылающегося на Деметрия Каллатийского, остров Ахилла лежит далеко в море за находящимся против устья Истра островом Певка (F 7a–7b Marcotte = 773–791, 792–796 Müller). А.В. Подосинов в комментарии к IV 93 Плиния отмечает, что Мела и Плиний ошибочно помещали остров Ахилла недалеко от Борисфена, «очевидно, путая его с Березанью»; правда, Плиний, локализуя остров Ахилла около Борисфена (NH IV. 83), в другом пассаже (IV 93) удаляет Ахиллов остров от Борисфена, что,

храм Ахилла Понтарха, которого в городах Северного Причерноморья почитали на протяжении многих веков начиная со времени колонизации в VII–VI вв. до н.э.²⁷ В своем пассаже Солин, следуя, как и Плиний (X. 78), сообщению парадоксографа Антигона из Кариста с острова Евбея (жившего на рубеже III–II вв. до н.э.), говорит о том, что в храм на Ахилловом острове никогда не залетают птицы (F 122 Giannini)²⁸.

Менее возвышенный тон носит повторенное вслед за Плинием (NH IV. 92–93) упоминание Солином скульптуры Аполлона с острова аполлонитов, т.е. из западнопонтийской греческой колонии Аполлонии, частично располагавшейся на острове (Solin. XIX. 1). Вывезенная в Рим во время третьей войны с Митридатом статуя Аполлона, оцененная в 500 талантов, занимает первое место в списке огромных статуй Плиния (NH XXXIV. 39); можно предположить, что Солин, как и его читатели, мог еще видеть статую в храме на Капитолии, куда она в 72 г. до н.э. была посвящена проконсулом Македонии Марком Лукуллом (ср. Strabo VII. 6. 1 С 319).

Ориентируясь на сведения своих источников, Солин описывает образ жизни и нравы народов Скифии, представлявших для римлян сообщества «варваров из варваров» (ср. XV. 15), характеристики которых в античной нарративной традиции наделялись чертами дикости и суеверий. При этом невольно возникающее у читателей *Collectanea* контрастное сопоставление привычной для римлян системы ценностей с необычным жизненным укладом и жестокими нравами скифских жителей, обитавших на краю света, сопровождается риторическими преувеличениями. Солин дает близкий к «каталогу» скифских племен Плиния (NH IV. 88) перечень народов европейской и азиатской Скифии (Solin. XIV–XV. 1–15). Так, он пишет, что невры обладают способностью превращаться в волков, а спустя некоторое время приобретать изначальный облик. Кроме того, особо подчеркиваются жестокость и воинственность невров, ко-

по мнению А.В. Подосинова, позволяет идентифицировать этот остров с расположением совр. острова Змеиный в Черном море (Подосинов, Скржинская 2011. С. 287–288).

²⁷ Hommel 1980; Русяева 2004; Ivanchik 2005. S. 71. Хоммель полагает, что островом Ахилла, или Левкой, называлась также Березань, как ее локализует Иордан (Get. 46) (Хоммель 1981, 58; ср.: Подосинов, Скржинская 2011. С. 258–259 с обширной литературой).

²⁸ Ante Borysthenem Achillis insula est cum aede sacra, quam aedem nulla ingreditur ales; et quae forte advolaverit, raptim fugam properat. «Перед Борисфеном есть остров Ахилла со священным храмом, в который не залетает ни одна птица; а если случайно и залетит, тотчас покидает [храм]» (Solin. XIX. 1). Ср. nec ulla avis in Ponto insula, qua sepultus est Achilles, sacratam ei aedem. «...в Понте, на острове, где похоронен Ахилл, ни одна птица не перелетает посвященный ему храм» (Plin. NH X. 78, пер. А.В. Подосинова). Напротив, Арриан в «Перипле Евксинского Понта» передает, что «много птиц гнездится на острове, – чайки, нырки и морские вороны в несметном количестве. Эти птицы очищают храм Ахилла: каждый день рано утром слетают они к морю, затем, омочив крылья, поспешно летят с моря в храм и окропляют его; а когда этого будет достаточно, они обметают крыльями пол храма» (Arrian. PPE 32–33, пер. А.В. Подосинова).

торые вместо почитания изображения своего божества войны (которого Солин, вслед за Геродотом и Мелой идентифицирует с Аресом-Марсом) поклоняются мечам и приносят человеческие жертвы, а «костями поддерживают огонь в очагах»²⁹. В стремлении поразить воображение читателей описанием диких нравов обитателей экзотичной Скифии Солин, явно знакомый с информацией Мелы о неврах, игнорирует подробности, которые не столько оправдывают, сколько объясняют отчасти действия туземцев. Так, например, Мела поясняет, что поселившиеся на бесплодных землях невраы вынуждены – за неимением дров – поддерживать огонь в очагах с помощью костей (Mela II. 15).

Соседнее с неврами племя гелонов отличается не меньшей жестокостью и дикостью: в данном случае Солин повторяет пассаж о гелонах Мелы (II. 14), который приписывает гелонам обычаи скифов (ср. Herod. IV. 64)³⁰. Вместе с тем, у Солина, как и у греческих парадоксографов периода эллинизма, особым вниманием пользуются необычные факты и явления (ср. [Arist.] Mir. 30 Giannini, где при упоминании скифского племени гелонов в подробностях рассказывается об обитающем в их местности загадочном звере «таранде»)³¹. Однако и наоборот – в этно-географических описаниях Солина изредка встречаются детали, дополняющие традиционные описания. Так, при упоминании агафирсов, практикующих «странный» обычай раскрашивать себя синей краской, Солин добавляет, что чем гуще окраска на представителе племени агафирсов, тем выше его положение в племенной иерархии³².

²⁹ Verum Neuri, ut accepimus, *statis temporibus in lupos transfigurantur; deinde exacto spatio, quod huic sorti adtributum est, in pristinam faciem revertuntur. (3) populis istis deus Mars est; pro simulacris enses coluntur; homines victimas habent. Ossibus adolent ignes focorum. «А невраы, как нам известно, в определенные времена обращаются в волков; затем по истечении срока, который положен для этого жребия, принимают прежний облик. (3) У этих народов божество Марс; вместо изображений почитаются мечи, а вместо жертвоприношений убивают людей. Костями поддерживают огонь в очагах» (Solin. XV. 2–3; ср. Herod. IV. 105). Конъектура *statis temporibus* (ср. *statum... tempus*, Mela II 14) принята вместо используемого в старых изданиях словосочетания *aestatis temporibus*.

³⁰ Geloni ad hos proximant. De hostium cutibus et sibi indumenta faciunt et equis suis tegmina. «Ближайшие их [невров] соседи – гелоны. Они из кож врагов выделывают одежды для себя и черпаки для своих коней» (Solin. XV. 3). Ср. комментарий А.В. Подосинова к пассажи Мелы: Помпони Мела 2017. С. 227, примеч. 71.

³¹ Об эллинистической традиции парадоксографов с описанием невероятных историй и их влиянии на писателей ранней Римской империи см.: Schepens, Deleroix 1996; Hardie 2009; Pajón Leyra 2011.

³² Gelonis Agathyrsi conlimitantur, caeruleo picti, fucatis in caeruleum crinibus, nec hoc sine differentia: nam quanto quis anteit, tanto propensiore nota tinguitur, ut sit indicium humilitatis minus pingi. «С гелонами граничат агафирсы, разрисованные синей краской и с выкрашенными в синий [цвет] волосами; эта раскраска применяется не без различия: чем знатнее человек, тем гуще он красится, так что меньшая окраска служит признаком низкого происхождения» (Solin. XV. 3, пер. А.В. Подосинова). См. также комментарий А.В. Подосинова: Подосинов, Скржинская 2011. С. 281, примеч. 289, где говорится, что у фракийцев, к которым исследователи относят агафирсов, был

Греческая форма этнонима «антропофаги» (букв. «людоеды»), восходящая к Геродоту (IV. 106), используется Мелой дважды: в первом случае этот свирепый народ кочевников локализуется в зоне Северного Причерноморья (II. 14), а во втором – уже не в европейской, а на севере азиатской Скифии (III. 59). Плиний помещает антропофагов далеко на восток от реки Танаис между номадами и савроматами (Plin. NH IV. 88; ср. VII. 9 и 12 со ссылкой на парадоксографа Исигона Никейского, F 13 Giannini)³³. Судя по контексту, Солин размещает антропофагов в пустынной и холодной местности азиатской Скифии, иными словами, на самом краю ойкумены, и сосредотачивает внимание читателя не только на описании диких нравов антропофагов, но и на исключительно мрачной местности их обитания³⁴. Кровожадности антропофагов соответствует окружающий их ландшафт, представляющий собой риторически преувеличенную картину бескрайних пространств и брошенной земли,

распространен обычай красить волосы в серо-голубой или синий цвет, что отмечено у Мелы (II. 1. 10) и Плиния (NH IV 88), а также у Вергилия (Aen. IV. 147). Кроме того, комментатор пишет, что вслед за информацией Мелы и Плиния Солин локализует агафирсов намного восточнее, нежели Геродот, и это обстоятельство объясняется тем, что латинские авторы отразили в своих произведениях сведения древнегреческих географов VII–VI вв. до н.э., т.е. зафиксированные намного раньше геродотовой «Истории».

Схожим образом Солин характеризует, например, племена халибов, дагов и кавказских албанов, обитавших в азиатской Скифии: *Chalybes et Dahae in parte Asiaticae Scythiae crudelitate ab inmanissimis nihil discrepant. At Albani in ora agentes, qui posteros se Iasonis credi volunt, albo crine nascuntur, canitiem habent auspicium capillorum: ergo capitis color genti nomen dedit. Glauca oculis inest pupula: ideo nocte plus quam die cernunt.* «Халибы и даги в азиатской части Скифии своей кровожадностью нисколько не отличаются от самых диких народов; живущие на побережье [Каспия, т. е. Северного, или Скифского, океана, кавказские] албаны, которые желают считаться потомками Ясона, рождаются с седыми волосами, и седину их считают добрым знамением; таким образом цвет волос на голове дал имя народу. В глазах у них светлый зрачок, поэтому ночью они видят лучше, чем днем» (Solin. XV. 5). Солин выделяет такие стереотипные черты этих народов, как «дикость» и «кровожадность», отмечая при этом «удивительную» способность албанов – в отличие от других народов – родиться сразу седыми и видеть лучше ночью, чем днем. По замечанию Солина, албаны причисляют себя к потомкам мифического Ясона, что косвенно указывает на их особый (по сравнению с другими «варварскими» народами) статус, возможно, потому что происхождение этнонима «албаны» восходит к латинскому *alb(an)us*,-a,-um, т. е. «белый, чистый, благородный».

³³ Подробнее см. комментарий А.В. Подосинова в кн.: Помпоний Мела 2017. С. 227, примеч. 70.

³⁴ *Post Anthrophophagi, quibus execrandi cibi sunt humana viscera: quem morem impiae gentis adiacentium terrarum prodit tristissima solitudo, quas ob nefarium ritum finitimae nationes metu profugae reliquerunt. Ea causa est, ut usque ad mare quod Tabin vocant per longitudinem eius orae, quae aestivo orienti obiacet, sine homine terra sit et immensa deserta, quoad perveniatur ad Seras.* «Затем следуют антропофаги [людоеды], для которых человеческие внутренности служат отвратительной пищей: этот обычай безбожного народа порождает жуткое безлюдье обреченных в округе земель, которые покинули соседние народы, бежавшие из-за гнусностей и страха. В этом заключается причина того, что до самого моря, называемого Табис, на всем протяжении береговой линии, обращенной к востоку, лежат безлюдные земли и бескрайние степи, пока не достигнешь серов» (Solin. XV. 4).

которую оставили бежавшие в страхе соседние с андрофагами народы³⁵. Этот риторический образ обезлюдившего пространства, которое сродни «перевернутому миру», усилен в следующей фразе благодаря словесному повтору (*sine homine terra sit et immensa deserta* «безлюдные земли и бескрайние степи», Solin. XV. 4)³⁶. Описание удаленных от Черного моря областей Скифии насыщено у Солина огромным количеством перекрещивающихся свидетельств с фрагментами разной протяженности из предшествующей литературы. Скорее всего, эти переклички обусловлены тем, что не только основные – Мела и Плиний, но и гораздо более ранние источники Солина рисуют одну и ту же картину мира, один и тот же образ сурового ландшафта Скифии с бескрайними степями.

Что касается следующей за этим пассажем фразы Солина о локализации Табиса, то она стала очередным примером для критики общих принципов Солина в комментарии XVII в. Клода де Сомеза (латинизированное имя – Клавдий Салмазий) к отрывку Солина (XV 4). Салмазий замечает, что все доступные ему печатные издания *Collectanea* приводят в данном случае написание *usque ad mare quod Tabin vocant* – «вплоть до самого моря, которое называют Табис». Однако, по мнению Салмазия, Солин неверно истолковал и неправильно передал слова Плиния: *iterumque deserta cum beluis usque ad iugum incubans mari quod vocant Tabim* (другое рукописное чтение *thabim*) – «снова пустыни с дикими зверями вплоть до прилегающей к морю горе, которую называют Табис» (Plin. NH VI. 53). Салмазий приходит к выводу, что речь у Плиния идет о пустынях, прилегающих к горе, или, вернее, к мысу Табис на морском побережье, в то время как в тексте Солина топонимом «Табис» обозначается море³⁷. Однако этот пассаж Солина может свидетельствовать не о его недопонимании предшественников (в данном случае, Мелы и Плиния), но о его новой интерпретации таинственного Табиса (или даже об использовании неизвестного нам источника).

Основываясь на материале приведенных отрывков, можно сказать, что включение в этногеографический контекст *Collectanea* удивительных курьезов, историй о чудесных явлениях природы и даже неправдоподобных деталях обогащает повествование Солина, придает ему не толь-

³⁵ *Morem impiae gentis adiacentium terrarum prodit tristissima solitudo quas ob nefarium ritum finitimae nationes metu profugae reliquerunt.* «Обычай безбожного народа порождает жуткое безлюдье обреченных в округе земель, которые покинули соседние народы, бежавшие из-за гнусностей [андрофагов] и страха» (XV. 4).

³⁶ Подробнее о риторической функции повтора в прозаических текстах см.: Николаева 2000. *passim*.

³⁷ *Salmasius 1689. P. 134B.* Интересно, что схожую с сообщением Плиния информацию о мысе Табис передает Мела: *vasta deinde iterum loca beluae infestant, usque ad montem mari imminentem nomine Tabim* «Далее, вплоть до горы, выступающей в море и называемой Табис, тянется обширная местность, опасная из-за диких животных» (III. 60, пер. А.В. Подосинова).

ко занимательность, но и делает его отчасти поучительным. Исходя из специфических особенностей содержания географической компиляции, Солин преследует дидактические цели, не забывая при этом о риторической обработке избранных им источников и о своего рода «популяризации» знаний об античной ойкумене. Впрочем, использование *mirabilia* в произведениях античной литературы наблюдается с самых ранних времен и вплоть до римского времени – все эти рассказы либо о необычных случаях вмешательства богов в жизнь людей, либо описания природных аномалий, вроде землетрясений или извержений вулканов, либо разного вида информации о странных обычаях и общественном устройстве обитателей неведомых земель древние связывали с нарушением естественного порядка вещей и интерпретировали в зависимости от сложившихся представлений о природе и месте в ней человека. Однако, в произведении Солина этот принцип перечисления *mirabilia* окружающего мира становится стержнем повествования, на котором строится отбор материала.

Схожим образом, основные источники Солина – Мела и Плиний, содержат многочисленные отступления о «диких» окружающего мира, где «чужое» нередко выступало синонимом «необычного». Из приведенных выше пассажей видно, что Солин творчески переработал заимствованные у Мелы и Плиния тексты, порой демонстрируя начитанность и снабжая свои пассажи в XII главе отсылками к Гомеру и Аристотелю (Ном. II. III. 3–7; Arist. HA VIII. 597a 4 – о битве пигмеев с журавлями) или в XV главе к Геродоту (Herod. III. 116. 1 – о сражениях аримаспов с грифами из-за золота и драгоценных камней), порой по-своему толкуя информацию своих источников (см. пример с мысом/морем Табис, XV. 4). В целом, Солин в своем труде неоднократно ссылается на конкретных греческих и латинских авторов; вместе с тем, встречаются отсылки к не названным им источникам (ср. «я прочитал», «передают» и т.п.). Это прямо указывает на то, что все еще недостаточно изученное произведение Солина – помимо уже известных сведений по античной истории и культуре – содержит неизвестный исследователям материал. Прибегая к всестороннему изучению *Collectanea* Солина, нельзя не учитывать в структуре текста риторической функции пассажей, содержащих «удивительные примеры» (ср. Cic. *De deor. nat.* II. 124–126; Val. Max. I. 8. 18), назначение которых отнюдь не ограничивается «риторизацией», но позволяет иногда за условными требованиями софистики обнаружить достоверные факты и детали, устраняющие не только сложности в понимании этногеографической карты Солина, но и дополняющие известные свидетельства по изучению северочерноморского региона в античности.

- Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158–190. [*Averintsev S.S.* Ritorika kak podhod k obobsheniyu dejstvitel'nosti (Rhetoric as an Approach to the Generalization of Reality) // Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii. Moscow, 1996. S. 158–190.]
- Агбунов М.В.* Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. [*Agbu-nov M.V.* Antichnaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Geography of the Northern Black Sea Region). Moscow, 1992.]
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. [*Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A.* Narody nashey strany v "Istorii" Gerodota (The Peoples of Our Country in the "History" of Herodotus). Moscow, 1982.]
- Данилевский И.Н.* Историческая текстология. М., 2018. [*Danilevski I.N.* Istoricheskaya tekstologiya (Historical Textology). Moscow, 2018.]
- Золотарев М.И.* Новые факты о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 94–100. [*Zolotaryov M.I.* Novye fakty o drevnih morskikh putyah v Ponte Evksinskom (New Facts about Ancient Sea Routes in Pontus Euxinus) // Problemy grecheskoy kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ya. Tbilisi, 1979. S. 94–100.]
- Илюшечкина Е.В.* Вступление к «Аттическим ночам» Авла Гелия // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. Т. X. С. 78–90. [*Ilyushechkina E.V.* Vstuplenie k "Atticheskim nocham" Avla Gelliya (Praefatio in the "Attic Nights" of Aulus Gellius) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2001. T. X. S. 78–90.]
- Илюшечкина Е.В.* Мифология истории Рима и риторическая политизация в «Collectanea» Гая Юлия Солина // Шаги/Steps. 2020. Т. 6 (2). С. 226–234. [*Ilyushechkina E.V.* Mifologiya istorii Rima i ritoricheskaya politisatsiya v "Collectanea" Gaya Yuliya Solina (Mythology of the Roman History and Rhetorical politisation in "Collectanea" of Gaius Iulius Solinus) // Shagi/Steps. 2020. Vol. 6 (2). S. 226–234.]
- Курциус Э.Р.* Европейская литература и латинское Средневековье, Т. I–II. 2-е изд. М., 2021. (*Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. B., 1948.)
- Николаева Т.М.* От звука к тексту. М., 2000. [*Nikolaeva T.M.* Ot zvuka k tekstu (From Sound to Text). Moscow, 2000.]
- Подосинов А.В.* Ex Oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. [*Podossinov A.V.* Ex Oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v archaicheskikh kul'turah Evrasii (Ex Oriente Lux! The Orientation to the Cardinal Points in the Archaic Cultures of Eurasia). Moscow, 1999.]

- Подосинов А.В.* Где находились Рипейские горы? // *Подосинов А.В.* Проблемы исторической географии Восточной Европы (античность и раннее средневековье) (Russian Studies in World History and Culture; 2). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 9–14. [*Podossinov A.V.* Gde nahodilis' Ripeyskie gory? (Where were Rhiperia Mountains?) // *Podossinov A.V.* Problemy istoricheskoy geografii Vostochnoy Evropy (antichnost' i rannee srednevekov'e) (Russian Studies in World History and Culture; 2). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. 2000. S. 9–14.]
- Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011. [*Podossinov A.V., Skrzhinskaya M.V.* Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponiy Mela i Pliniy Starshiy. (Roman Geographical Sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder). Moscow, 2011.]
- Помпоний Мела.* Хорография / Пер. с лат. под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2017. [*Pomponius Mela.* Horografiya (Chorographia) / Ed. A.V. Podossinov. Moscow, 2017.]
- Русяева А.С.* О храме Ахилла на острове Левка в Понте Евксинском // ВДИ. 2004. Т. 1. С. 177–189. [*Rusyava A.S.* O hrame Ahilla na ostrove Levka v Ponte Evksinskom (About the sanctuary of Achilleus on the Leuce Island in Pontus Euxinus) // *Vestnik drevney istorii.* 2004. T. 1. S. 177–189.]
- Хоммель Х.* Ахилл – бог // ВДИ. 1981. Т. 1. С. 53–76. [*Hommel H.* Ahill – bog (Achilleus the God) // *Vestnik drevney istorii.* 1981. T. 1. S. 53–76.]
- Чекин Л.С.* Картография христианского Средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. [*Chekin L.S.* Kartografiya hristianskogo Srednevekov'ya VIII–XIII vv. (Cartography of the Christian Middle Ages of the 8th–13th cent.). Moscow, 1999.]
- Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. [*Shramm G.* Reki Severnogo Prichernomor'ya: istoriko-filologicheskoe issledovanie ih nazvaniy v rannih vekah (The Rivers of the Northern Black Sea Region: A Historical-Philological Analysis of their Names in Early Centuries). Moscow, 1997.]
- Apps A.* Source Citation and Authority in Solinus // *Solinus. New Studies* / Hrsg. K. Brodersen. Heidelberg, 2014. P. 32–42.
- Brodersen K.* Vom Periplus zur Karte: die Leistung des Gaius Julius Solinus // *Die Vermessung der Oikumene* / Hrsg. K. Geus, M. Rathmann (Topoi; 14). Berlin; Boston, 2013. S. 185–201.
- Brodersen K.* (Hrsg.) *Gaius Iulius Solinus.* Wunder der Welt. Darmstadt, 2014.
- Brodersen K.* The Geographies of Pliny and his 'Ape' Solinus // *Brill's Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition* / Ed. S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (Brill's Companions in Classical Studies). Leiden, 2015. P. 298–310.

- Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. 2. Aufl. Frankfurt-am-Main, 1988.
- Formisano M.* Towards an aesthetic paradigm of Late Antiquity // *Antiquité Tardive*. 2007. Vol. 15. P. 277–284.
- Fuhrmann M.* Die Funktion grausiger und ekelhaften Motive in der lateinischen Dichtung // *Poetik und Hermeneutik III*. München, 1968. S. 23–66.
- Gisinger F.* Okeanos // *RE*. 1937. Bd. XVII, 2. Sp. 2308–2349.
- Hardie P.R.* Paradox and the Marvellous in Augustan Literature and Culture. Oxford, 2009.
- Hommel H.* Der Gott Achilleus. Heidelberg, 1980.
- Ilyushechkina E.* Strabo's Description of the North and Roman Geo-political Ideas // *The Routledge Companion to Strabo* / Ed. D. Dueck. London; New York, 2017. P. 60–68.
- Ivanchik A.I.* Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8.–7. Jhs. v.Chr. in der klassischen Literaturtradition: Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte. Berlin; Moskau, 2005.
- Mommsen Th.* (Hrsg.) *C. Julii Solini Collectanea rerum memorabilium*. Berlin, 1864 (1895²).
- Nicolet C.* L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. Paris, 1988.
- Fernández Nieto F.J.* (ed.) *Solino. Colección de hechos memorables o El erudito*. Madrid, 2001.
- Payón Leyra I.* Entre ciencia y maravilla. El género literario de la paradoxografía griega (*Monografías de filología griega*; 21). Zaragoza, 2011.
- Rausch S.* Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Berlin, 2013.
- Romer F.E.* Reading the Myth(s) of Empire: Paradoxography and Geographic Writing in the *Collectanea* // *Solinus. New Studies* / Hrsg. K. Brodersen. Heidelberg, 2014. S. 75–89.
- Salmasius Cl.* *Plinianae exercitationes in Caji Julii Solini Polyhistora: Item Caji Julii Solini Polyhistor ex veteribus libris emendatus*. Utrecht, 1689².
- Sallmann K.G.* Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. Berlin; New York, 1971.
- Schepens G., Delecroix K.* Ancient Paradoxography. Origin, evolution, production and reception. // *La letteratura di consumo nel mondo greco-latino: atti di convegno internazionale* / Ed. O. Pecere, A. Stramaglia. Cassino, 1996. P. 373–460.
- Schmidt P.L.* Solins Polyhistor in Wissenschaftsgeschichte und Geschichte // *Philologus*. 1995. Bd. 139. S. 23–35.
- Talbert R.J.A.* Rome's world: The Peutinger map reconsidered. Cambridge; New York, 2010.

MIRACULOUS SCYTHIA OF GAIUS IULIUS SOLINUS

The lost ethno-geographic information of Hellenistic tradition and of the earlier one on the northern Black Sea and neighboring territories are partially preserved due to the compilations emerged in the epoque of the Roman Empire. Thus, “*Collectanea rerum memorabilium*”, the work by Gaius Julius Solinus, (the 3rd cent.), despite its “secondary” information, is a promising source for the researchers of the northern Black Sea’s ethno-geography. The article discusses Solinus’s information on peoples and tribes dwelling in the region of the northern Black Sea in antiquity, as well as other descriptions (mostly concerning hydronyms, local fauna and customs and the mode of life of Scythian tribes) drawing attention to the features of Solinus’s world picture. Solinus’s compilation’s chief sources were works by Pomponius Mela and Pliny the Elder. Exposing their texts, Solinus used rhetorical techniques and added paradoxography’s excursions to his predecessors’ information, i.e., inserted unusual facts and curious natural phenomena. Obviously, such a description should have made Solinus’s ethno-geographical stuff more attractive to ancient readers and contribute to “a popularization” of the science of ancient oikoumene, i.e., serve didactic targets. If *mirabilia* in ancient literature are used from the early times, “the miraculous examples” in the work by Solinus are put to the forefront. So, one can speak of his proximity to the literature of ancient paradoxographers. Conventional requirements of sophistic do not exclude the use of Solinus’s work as a historical source containing true facts and details, which not only remove complications in understanding of Solinus’s ethno-geographic map, but also add some evidence of history and culture of the northern Black Sea region in antiquity.

Keywords: Pomponius Mela, Pliny the Elder, Gaius Julius Solinus, ethno-geography of the northern Black Sea, *mirabilia*

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-451-470